

— Я... — Цзян Шинин, ускоряя шаг по настоянию Сюэ Сяня, заговорил нерешительно. — Всё же мне кажется, это не совсем правильно.

— Что не так? — спросил Сюэ Сянь, перебирая свою золотую жемчужину.

— Мы самовольно сбегает, оставляя мастера одного, — ответил Цзян Шинин.

Сюэ Сянь раздражённо взглянул на него:

— Ты что, книжный червь, всё ещё в своих грёзах? Он ловит призраков, а мы — те, кого ловят. Ты когда-нибудь видел, чтобы бежавший узник звал с собой надзирателя?

— Не видел, — согласился Цзян Шинин, но, поразмыслив, добавил:

— Но...

— Никаких «но», — оборвал его Сюэ Сянь.

— Однако...

— И никаких «однако».

Цзян Шинин с досадой посмотрел на него. Сюэ Сянь же, обхватив свою жемчужину, невозмутимо заявил:

— Я просто очень последователен.

Цзян Шинин промолчал.

В уезде Нинъян ночью действовал комендантский час. На главных перекрёстках уже стояли заграждения и посты. Дежурные стражники, прихлёбывая из фляжек согревающее вино, несли вахту. Все четверо городских ворот были наглухо закрыты, и простому люду в этот час выбраться из города было бы не легче, чем пролезть сквозь землю или обрести крылья.

Однако для этих двоих, не совсем людей, комендантский час не составлял особых трудностей.

Бумажная оболочка Цзян Шинина в такие моменты проявляла своё преимущество — при необходимости он мог сплющиться в тонкий лист, становясь истинным мастером проникновения в щели и под двери.

— Поверни на восток.

— У следующего перекрёстка прижмись к стене и сверни в переулок.

— Иди прямо, потом на запад.

Глаза у Сюэ Сяня были зорче собачьих, он издали замечал стражников в тени и отдавал команды уверенно и безапелляционно. Цзян Шинин же, будучи мягким по натуре, привык подчиняться его указаниям — едва тот открывал рот, он без лишних раздумий выполнял просьбу.

В итоге, попавшись на эту удочку и побродив изрядно, Цзян Шинин наконец остановился и с тяжёлым вздохом сказал:

— Родной, будь добр, помолчи.

Сюэ Сянь покосился на него:

— А что? Всё же шли нормально, нас те сторожа не заметили.

— Да, не заметили, — ответил Цзян Шинин с раздражением, — но эту шёлковую лавку я уже видел минимум три раза. Если продолжим петлять по твоей указке, до следующего года из города не выберемся.

Сюэ Сянь, прижимая к себе жемчужину, произнёс:

— Эх... Небо хмурится, надо бы поскорее найти ночлег.

Цзян Шинин промолчал. Вот уж действительно бесстыжий плут.

Без руководства Сюэ Сяня, совершенно не разбиравшегося в дорогах, Цзян Шинин быстро выбрался из лабиринта переулков, где они кружили трижды, и вышел на верный путь.

— Это здание кажется знакомым, — оглядываясь по сторонам, сказал Сюэ Сянь, чувствуя, что и вся улица ему знакома.

— Угу, — подтвердил Цзян Шинин. — А ты, не знающий дорог, мы же были здесь сегодня утром. Как можно было забыть?

Только после этих слов Сюэ Сянь вспомнил: если пройти по этой улице чуть дальше и свернуть на восток, откроется вид на дом советника Лю. Ночью стояла тишина, и любой звук слышался куда отчётливее, чем днём. Проходя мимо ворот знакомой усадьбы, они мельком заметили их и уловили доносящиеся из глубины двора смутные голоса — похоже, на спор или что-то подобное. Так или иначе, покоя там не было.

Цзян Шинин слегка замедлил шаг.

Сюэ Сянь, бросив взгляд на усадьбу Лю, спросил:

— Что? Хочешь посмотреть, как зло получает по заслугам?

— Это его собственные дела, меня они больше не касаются, — покачал головой Цзян Шинин и, не задерживаясь, зашагал по направлению к городским воротам.

Вероятно, такова была природа лекаря — он всё же не мог спокойно смотреть на чужие муки. Но, возможно, именно это и было самой явной чертой, отличавшей его от таких, как советник Лю.

За пределами уезда Нинъян лежало множество лесистых гор, но в основном пологих и живописных, редко встречались опасные кручи.

Несколько лет назад, из-за того что Императорский наставник был монахом, в горах по всем округам внезапно расплодилось множество монастырей, и на какое-то время в них воцарилось великое оживление. Однако в последние годы, неизвестно почему, зимы наступали всё раньше, и даже на юге не прекращались сильные снегопады. Говорят, обильный снег — к урожайному году, но как раз в эти годы дождей выпадало мало, урожаи были скудными, и жизнь простого народа становилась всё тяжелее. Когда самому едва хватает на жизнь, о каких жертвованиях на монастырские нужды может идти речь?

Так что в горах становилось всё больше заброшенных храмов, которые, впрочем, превращались во временные пристанища для путников.

Когда Цзян Шинин с Сюэ Сянем остановились на ночлег в заброшенном храме на горе Цзигуань, снаружи уже пошёл снег.

Едва войдя в храм, Сюэ Сянь присмотрел себе удобное место — этот бесстыжий негодник просто нахватил с пола сухой соломы, постелил её на постамент статуи Будды и без всякого стеснения уселся, прислонившись к изваянию. Раз уж идти никуда не нужно было, он перестал поддерживать облик бумажного человечка и вернулся к своему истинному виду.

Он был облачён в чёрные одежды, сидел расслабленно и бесформенно, локоть опирался на лотосовый трон статуи, согнутые пальцы лениво подпирали подбородок, а другой рукой он по-прежнему перебирал свою драгоценную жемчужину.

Цзян Шинин потер виски — от одного вида этого предка у него начинала болеть голова:

— Даже если храм заброшен, следует сохранять хоть какое-то приличие. Разве можно так запросто садиться на статую Будды?

Сюэ Сянь похлопал статую по ноге:

— Делю с ним пополам. Если не согласен — пискни.

Он даже выждал паузу с серьёзным видом, затем ткнул подбородком в сторону Цзян Шинина:

— Видишь? Не пискнул.

Цзян Шинин вздохнул:

— Делай что хочешь, я умываю руки.

Он сдул пыль с запылившегося подсвечника перед статуей, попросил у Сюэ Сяня лучину и, старательно зажигая слегка отсыревший фитиль, остерегался, как бы пламя не опалило его самого.

— Где ты раздобыл эту лучину? — спросил Цзян Шинин, затушив огонёк на её кончике.

— Прихватил на прощание из котомки того лысого, — невозмутимо ответил Сюэ Сянь.

Цзян Шинин с досадой покачал головой:

— Впервые вижу, чтобы бежавший узник ещё и прикарманил что-то у надзирателя.

— Ему она не нужна, — отмахнулся Сюэ Сянь.

Стоило заговорить о Сюань Мине, как Цзян Шинина вновь охватило чувство неловкости. Он не удержался от вопроса:

— А тебе он особенно не нравится? Из-за того что поймал нас?

Сюэ Сянь покачал головой.

— Тогда почему ты так стремился от него избавиться? Позволь сказать прямо... — Цзян Шинин

указал на себя, затем на Сюэ Сяня. — Мы оба ни поднять ничего не можем, ни понести. Если в пути случится какая беда, нам несдобровать. При мне только один колокольчик лекаря, гроша ломаного не стоит, а вот твоя золотая жемчужина... Мало ли кто позарится...

Сюэ Сянь, перекатывая жемчужину меж пальцев перед пламенем свечи, размышлял.

Причина, по которой он сбежал этой ночью, была, и заключалась она как раз в этой жемчужине истинного дракона. Сейчас его тело ещё не восстановилось, связь с жемчужиной была крайне призрачной. Даже держа её вот так в руке, он почти ничего не ощущал, словно это была самая обычная бусина.

Но Сюань Минь был другим. Та странная активность под его кожей и костями была весьма подозрительной. Один раз можно было списать на обман чувств, но дважды — уже не проигнорируешь.

Хотя Сюэ Сянь по-прежнему не видел его за настоящим делом, он уже почти был уверен: Сюань Минь не так прост.

Сам он пока не мог воспринимать жемчужину, но Сюань Минь, возможно, мог. Чем дольше он оставался с жемчужиной рядом с ним, тем больше та могла подвергнуться его влиянию. Если же с жемчужиной что-то случится, о восстановлении драконьего тела можно будет забыть.

К тому же...

Сюэ Сянь обратился к Цзян Шинину:

— Его происхождение неясно, цели — и подавно. Он не похож на странствующего монаха, промышляющего деньгами, и не похож на истинного монаха, что помогает всем и вся из сострадания. Порой, в мгновениях, я даже улавливал в нём нечто холодное и свирепое.

Цзян Шинин растерялся:

— Что значит «холодное и свирепое»? Объясни так, чтобы я понял.

— Цыкнул Сюэ Сянь, бросая на него взгляд, полный пренебрежения. — Говоря проще, он не такой, как обычные монахи. Раньше я не мог понять, в чём именно разница, а теперь думаю, вероятно, ему недостаёт той мягкости, что рождается из строгого следования заповедям. Тебе не кажется, что в определённых ситуациях он даже способен нарушить заповедь «не убий»?

Цзян Шинин помолчал, затем покачал головой:

— Не кажется. Но, признаться, я его почему-то побаиваюсь.

Сюэ Сянь раздражённо фыркнул:

— Ну вот, одно и то же.

При упоминании о неясном происхождении Цзян Шинин вдруг вспомнил кое-что:

— Кстати, в той комнате ты уловил запах лекарств?

— Уловил, — ответил Сюэ Сянь. — Я даже удивился: неужели этот лысый пьёт снадобья?

<http://bllate.org/book/16289/1467860>